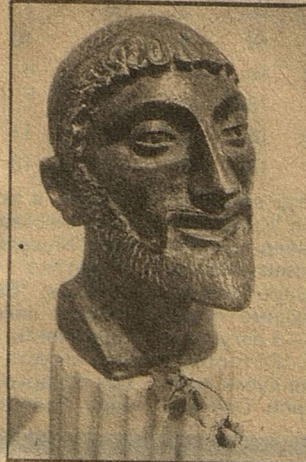

«Одиссей (автопортрет)».

Вдове Распопова Анне Матвеевне не хотелось, чтобы его вдруг восприняли как «юбилейного» скульптора, и ей с помощью галереи «Московская палитра» и «Росизо» удалось открыть тут небольшую выставку. В центре внимания, конечно, та самая исходная фигурка Высоцкого в 70 см, самостоятельная станковая работа, которая и стала основой для памятника, изваянного другом Геннадия Виктором Дроновым.

Существенные отличия? Одно — явное. Запрокинутого лица артиста на оригинале практически не видно. Центральная энергетическая точка фигуры — напряженная шея и грудь, «портрет» внешней физиологии горла. Образ знаменитого надрыва Высоцкого. Иллюстрация к пастернаковскому «... строчки с кровью — убивают, нахлынут горлом и убьют». В памятнике на бульваре почему-то ушли куда-то и эти (скорее воображаемые) жилки, и этот надрыв, и этот застрявший в горле огненный ком.

Портрет Пастернака — напротив. Есть и портрет Окуджавы, поясной, но в гипсе. Вот смешно: стоит так, что впервые у вас есть возможность посмотреть на неприступного Булата Шалвовича сверху вниз...

А вот еще Высоцкий — его большая гипсовая голова. Что-то непривычное для нас в его

Подлинники

Веч. клуб - 1995 - завт - с 7

Гении в гипсе, или Как юный Пушкин появился сам собой

Очень много было шума вокруг открытия памятника Высоцкому у Петровских ворот на прошлой неделе. Кому-то он понравился, кто-то недоволен. Чтобы понять, каким памятник был по замыслу автора, Геннадия Распопова (1930 — 1989 гг.), достаточно пройти триста метров вниз по Петровке до дома N 28, в галерею «Росизо».

лице. Сначала даже кажется — портрет актера Кайдановского из «Сталкера». Есть, есть тут какая-то общая струнка. Ноздри непримиримого страдальца, дышащего воздухом вечности.

Но любимый персонаж Распопова — конечно, Пушкин. Изумительна мраморная голова камер-юнкера — «Январь, 37 год». Она стоит на фоне старинной кафельной печи («Росизо» находится в бывшей гостинице Высокопетровского монастыря). Тугой, высокий, давящий воротник...

А справа — небольшой гипсовый «Смуглый отрок». — Лицеист лежит себе, мечтает. История создания — прелести!

— Когда делается большая гипсовая вещь, всегда остается немного материала, а гипс — он ведь быстро застывает и становится непригодным, — объясняет Анна Матвеевна. — И вот Гена рассказывал: «Осталось так, на женский торсик... Вылил на стекло, смотрю — мальчик! Присмотрелся — Пушкин...» А дальше он по гипсу дорезал форму, негритянские щечки...

Страшно, что многие прекрасные работы Распопова, как и эта, остались в гипсе. Вот Пушкин и Керн на прогулке верхом. Это скульптурная композиция чрезвычайно тонкого содержания — для тех зрителей, кто все про эту пару знает. Правда, заинтриговала? Но время уже отбирает ее у нас. Гипсовый лошадиный хвост надломлен, по-

казался металлический каркас. Рука Пушкина, его выразительная ладонь по той же причине вот-вот изменит наклон.

А ведь Геннадий Распопов был скульптор маститый. В записках Третьяковки его портреты Алексея Баталова, Валентина Никулина, Михаила Козакова, Виолы из шекспировской «Двенадцатой ночи». Его «Ян Амос Коменский» стоит в Пражском граде у президента Гавелла. Его Гоголь соседствует в Пражской национальной галерее со скульптурами Бурделя. Памятник Миклухо-Маклаю следующим летом будет поставлен в Австралии (у нас никто не хочет брать на себя эту заботу — Миклухо-Маклай же не такой модный, как Высоцкий!).

Долго разглядываешь знаменитый, опубликованный когда-то в «Литературке» двухметровый барельеф — «Автопортрет с любимыми авторами»: Вольтером, Твенном, Щедриным, Боккаччо...

Это такая анти-«Тайная вечеря». Тринадцать мудрецов высочайшего толка, смотревших на мир смеясь, сидят за длинным столом под председательством Свифта. В углу справа, за спиной Гоголя, — сам Распопов в своем рабочем комбинезоне.

Несколько секретов, выданных Анной Матвеевной.

Гашек первоначально был изображен с пивной кружкой, потом скульптор застенчался, кружку убрал. Потому что на

этом столе — ни блюд, ни бокалов.

Рабле в так называемом трехрогом берете, который хранится в доме скульптора. А дело в том, что Распопов делал еще и большой портрет Рабле, и в театре «Современник» ему специально сшили берет по старинной модели.

«Пушкин и Керн».

У ног Апулея, крайнего слева, — осел. К «Золотому ослу» отношения не имеет. Это — ослик Ходжи Насреддина, чтобы еще одного великого насмешника вспомнили...

В небольшой аннотации к барельефу артист Сергей Юрский написал: «Обратим внимание на год исполнения работы — 1979-й. В те годы никто у нас не додумался бы заказать портрет никого из этих людей...»

Есть на выставке и большой автопортрет самого Геннадия Распопова — в образе... Одиссея! А вот эта загадка откроется нам на следующей выставке скульптора, которую галерея намерена провести ориентировочно в январе — феврале

96-го года. Исходный момент — опять же со слов Анны Матвеевны:

— У Гены есть целая «Античная сюита». Он как-то работал в доме творчества в Дзинтари, где единственным материалом служила ему красная глина. Так появилась терракотовая серия: «Леда и лебедь», «Геката», «Силен», «Сирены» из «Одиссеи»... Гена был блистательный читатель. Натан Эйдельман как-то сказал о нем: «О таком читателе, небось, и Шекспир мечтал»... Мы пока продумываем новую выставку. Как хочется, чтобы она

была «озвучена»! Можно декламировать что-то по-древнегречески. Попробуем уговорить Азу Алибековну Тахо-Годи, уникального специалиста по античной мифологии, прокомментировать Генины работы. Надо проводить, возможно ли какое-либо воспроизведение древнегреческой музыки — хоровой или инструментальной...

А пока добавим, что скромная, но весьма неординарная выставка Геннадия Распопова работает лишь до воскресенья.

Наталья ЗИМЯНИНА.

Фото
Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.